

РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС *RUSSIAN POLITICAL PROCESS*

Не можешь победить — управляй: смены губернаторов, политическая конкуренция и рейдерство в регионах России

А.П. КАЗУН*

*КАЗУН Антон Павлович – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Международного центра изучения институтов и развития Института анализа предприятий и рынков Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”, Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. E-mail: kazun.anton@gmail.com.

До 2010 г. федеральная элита России могла закрывать глаза на силовое давление на бизнес в регионах, где местные власти обеспечивали высокие результаты на федеральных выборах для правящей партии. На основе анализа публичной информации о силовом давлении на бизнес с 2011 по 2016 гг., полученной на основе обращений предпринимателей в Центр общественных процедур “Бизнес против коррупции”, в статье показано, что экономический кризис мог заставить власти пересмотреть этот подход. На нескольких примерах демонстрируется, что попытки централизованной борьбы с рейдерством оказались малоэффективными. По этой причине федеральная власть начала использовать дополнительный инструмент управления насилием в регионах, связанный с ротацией губернаторов. Показано, что контроль за силовым давлением на бизнес мог стать частью обязанностей новых губернаторов. При этом возможность выполнения этих требований нелинейно связана с уровнем политической конкуренции в регионе. В регионах с относительно высокой конкуренцией контроль за насилием достигается через поиск консенсуса внутри элит, в регионах, где конкуренции на выборах в региональные парламенты практически нет, возможен авторитарный контроль за давлением на бизнес.

Ключевые слова: выборы, губернаторы, регионы России, рейдерство, силовое давление на бизнес.

DOI: 10.31857/S086904990009196-7

JEL: K42, L26, P48

Цитирование: Казун А.П. (2020) Не можешь победить – управляй: смены губернаторов, политическая конкуренция и рейдерство в регионах России // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 108–120. DOI: 10.31857/S086904990009196-7

Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики” и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации “5 – 100” в 2019 г.

If You Can't Beat Them – Manage Them: Appointments of Governors, Political Competition and Raiding in the Regions of Russia

A.P. KAZUN*

Anton P. Kazun – PhD (Sociology), senior research fellow of the International Center for the Study of Institutions and Development at Higher School of Economics. Address: Myasnitskaya str. 20, Moscow 101000. E-mail: kazun.anton@gmail.com.

Abstract. Until 2010, the Russian federal elite could turn a blind eye to violent pressure on business in regions in exchange for high results for the ruling party at the federal elections. Based on the analysis of public information on violent pressure on business from 2011 to 2016 collected by Center of Public Procedures “Business against corruption” we show that the economic crisis could force the authorities to reconsider this informal agreement. Since attempts to centralize raiding were ineffective, the government started to use an additional tool to manage violence associated with the appointments of the governors. We believe that the control of violent pressure on business has become part of the responsibilities of the new governors, and the ability to fulfill these responsibilities is related to the level of political competition in the region. In regions with relatively high political competition, control over violence is achieved through the creation for consensus between the elite groups, in regions where there is practically no competition on regional elections, the model of authoritarian control over violent pressure on business is possible.

Keywords: elections, governors, regions of Russia, raiding, violent pressure on business.

DOI: 10.31857/S086904990009196-7

JEL: K42, L26, P48

Citation: Kazun A. (2020) If You Can't Beat Them – Manage Them: Appointments of Governors, Political Competition and Raiding in the Regions of Russia. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 108–120. DOI: 10.31857/S086904990009196-7 (In Russ.)

Согласно теории М. Олсона, авторитарное государство можно представить как “оседлого бандита” [Olson 1993]. “Оседлый” бандит отличается от “кочующего” тем, что имеет более длинный горизонт планирования, а потому не только не отбирает у своих подданных все ресурсы, но и обеспечивает им защиту от других бандитов. Таким образом, между оседлым бандитом и подконтрольным ему населением возникает взаимовыгодный договор: налоги в обмен на безопасность. Однако как быть, если подконтрольная оседлому бандиту территория столь велика, что невозможно в полной мере обеспечивать защиту своих подданных? Что если монополия на насилие *de facto* не соблюдается и другие акторы, не посягающие на захват власти, тем не менее, претендуют на часть ресурсов, принадлежащих населению и бизнесу?

Один из вариантов ответа на этот вопрос можно найти в известной книге Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста “Насилие и социальные порядки” [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011], где подчеркивается, что для любого государства ключевым является вопрос об ограничении насилия. Элиты, обладающие возможностями его осуществления, должны договориться между собой. Суть этого неформального соглашения сводится к распределению между собой ренты в обмен на обещание поддерживать социальный порядок.

С учетом масштабов России и больших социально-экономических и культурных различий между регионами российская федеральная элита вынуждена выстраивать подобные неформальные соглашения с региональными властями, чтобы поддерживать порядок. До кризиса 2008 г., последующей экономической стагнации и падения цен на нефть российские власти могли мириться с силовым давлением на бизнес в регионах, считая это частью платы за лояльность местных элит [Rochlitz 2014]. Однако затем экономические трудности

вынудили федеральную власть изменить свой взгляд на эту проблему. В настоящей статье я стремлюсь показать, что с начала 2010-х гг. власть начала предпринимать попытки бороться с силовым давлением на бизнес, но в целом потерпела в этом неудачу. После этого на первый план начали выходить краткосрочные тактические шаги по управлению насилием, связанные в том числе с политикой назначения губернаторов.

Эволюция отношений власти и бизнеса в России

Отношения власти и бизнеса в России за последние 30 лет прошли несколько этапов. Сразу после распада СССР государство было настолько поглощено своими внутренними проблемами, что не могло обеспечить бизнесу адекватную защиту. На сцену вышли силовые предприниматели [Волков 2005] – бывшие военные и силовики, спортсмены и просто бандиты, то есть люди, чьи навыки позволяли им эффективно применять физическое насилие. Силовые предприниматели со временем начали действовать в логике модели “оседлого бандита” по Олсону, предлагая предпринимателям “крышу” в обмен на регулярные выплаты ренты. Они же помогали бизнесу решать и коммерческие споры.

Параллельно с этим крупный бизнес в лице олигархов по-своему использовал слабость государства и активно проникал во власть. Исследователями такая модель взаимоотношений была названа “захватом государства” [Hellman, Jones, Kaufmann 2003; Yakovlev, Zhuravskaya 2009]. Согласно этой модели, крупный бизнес прямо или косвенно мог использовать экономические ресурсы для получения власти и расширения источников ренты.

Новый этап отношений власти и бизнеса начался с приходом В. Путина и окончательно оформился после дела ЮКОСа. Захват крупнейшей нефтяной компании послужил сигналом для силовых органов о том, что теперь они могут использовать подобные схемы на региональном уровне. Модель “захвата государства” сменилась на модель “захвата бизнеса” [Yakovlev 2006], олигархи же потеряли статус старших партнеров для федеральной элиты. С этого момента недобросовестные представители силовых органов совместно с чиновниками регионального уровня начали активно участвовать в рейдерских атаках на бизнес [Firestone 2008; Rochlitz 2014]. Несмотря на сопротивление отдельных предпринимателей, в целом российский бизнес принял эту модель взаимоотношений. Поскольку экономика быстро росла, прибыли покрывали издержки, связанные с защитой или откупом от рейдеров.

К началу 2010-х гг. механизмы силового давления на бизнес были отточены и институционализированы. По стандартной схеме [Казун 2015^a] против несговорчивого предпринимателя возбуждалось уголовное дело (обычно по статье о мошенничестве), он попадал в СИЗО, лишаясь возможности эффективно отстаивать собственные интересы. Если сопротивление продолжалось, то дело попадало в суд, где уже практически не имело шансов на положительный исход (с учетом “обвинительного уклона”) [Панеях, Титаев, Волков, Примаков 2010].

Однако экономические трудности 2008–2011 гг. привели к тому, что бизнес утратил способность платить в прежних объемах. Предприниматели начали все чаще обращаться в СМИ и использовать ресурсы деловых ассоциаций для защиты [Markus 2012; Duvanova 2013]. Это заставило власти отреагировать [Yakovlev, Sobolev, Kazun 2014] и пересмотреть существовавшее ранее неформальное соглашение. Чтобы понять этот процесс лучше, рассмотрим основное содержание неформального внутриэлитного соглашения, которое подвигалось пересмотру.

Содержание неформального контракта с региональной элитой

После дела ЮКОСа бизнес не только был отстранен от политики, но и начал выполнять функцию “кошелька”. Одним из требований власти к бизнесу стало выделение ресурсов на социальную политику [Crotty 2016]. Подобные “квазианалоги” существовали и раньше [Панеях 2008], но теперь предприниматели могли столкнуться не только с административными барьерами, но и с уголовным преследованием.

Ключевую роль в этом процессе играла и играет региональная элита. Федеральная элита из Москвы видела лишь часть ситуации в регионах и по этой причине нуждалась в лояльности местных чиновников [Gel'man, Ryzhenkov 2011]. В годы экономического роста существовали неформальные контракты, согласно которым губернатор, обеспечивающий высокие результаты правящей партии на выборах, мог рассчитывать на сохранение своего поста [Reuter, Robertson 2012]. Кроме того, с электоральными успехами было связано и то, насколько “удачно” будет решена проблема федеральных трансфертов [Marques, Nazrullaeva, Yakovlev 2016; Sharafutdinova, Turovsky 2017] (напомню, что подавляющее большинство российских регионов – дотационные). Таким образом, вполне в логике теории Норта и его коллег [Норт, Уоллис, Вайнгаст 2011], региональные элиты получали определенный уровень автономии в обмен на поддержание социального порядка. Как показал М. Рохлиц, силовое давление на бизнес стало частью этого неформального контракта с региональными элитами в период с 2000 по 2010 г. [Rochlitz 2014]. Власти закрывали глаза на рейдерство в тех регионах, где на федеральных выборах Единая Россия получала высокие результаты.

Важно указать и на то, что силовое давление на бизнес – форма децентрализованного изъятия ренты. То есть рейдерские захваты, как правило, осуществляются в пользу частных интересов местной элиты, а не федеральной (дело ЮКОСа в этом отношении не является типичным рейдерским захватом). Как отмечали исследователи [Olson 1993; Shleifer, Vishny 1993], децентрализованное изъятие ренты гораздо вреднее для экономики, чем централизованное. Оседлый бандит, или правитель с долгосрочным горизонтом планирования, не отнимет лишнего, если знает, что это негативно скажется на его будущих доходах. Силовое давление на бизнес как форма децентрализованного изъятия ренты может разрушать здоровую часть экономики (и является в терминах У. Баумоля формой деструктивного предпринимательства [Baumol 1990]), а значит, оно само по себе невыгодно федеральной элите. В конечном счете, рейдерство в регионе приводит к тому, что в его экономику меньше инвестируют, а бизнес платит меньше налогов.

Борьба с силовым давлением на бизнес

В конце 2000-х – начале 2010-х гг. федеральная элита приходит к пониманию проблем, возникших в связи с силовым давлением на бизнес. Предпринимается ряд попыток изменить ситуацию к лучшему. Отдельного упоминания заслуживают три меры, которые были однозначно направлены на снижение силового давления на бизнес.

Первым шагом стала реформа Министерства внутренних дел в 2009–2011 гг. Эта реформа была связана не столько с проблемой изъятия ренты у бизнеса, сколько с громкими скандалами о злоупотреблениях со стороны правоохранительных органов. Реформа предполагала сокращение штата милиции на 20%, повышение требований при приеме на работу и рост заработной платы с целью стимулирования сотрудников. Хотя министр МВД рапортовал, что в ходе реформы удалось достигнуть целевых показателей, на качестве работы правоохранителей реформа сказалась мало [Тимаев 2012]. Основным изменением, которое заметило население России, стало переименование милиции в полицию. Многие сокращенные сотрудники МВД были массово приняты в образовавшуюся

в 2016 г. Росгвардию. Как показал анализ А. Дмитриевой в газете “Ведомости” от 21 февраля 2019 г., повышение заработной платы сотрудникам полиции носило лишь временный эффект, и после 2014 г. их уровень дохода сильно просел, а в 2017 г. почти вернулся к дореформенному уровню (<https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/02/21/794713-reforma-politsii>). Таким образом, системно решить проблему злоупотреблений со стороны правоохранителей власти не удалось. Более того, даже если качество работы сотрудников МВД после реформы выросло, это ведомство было далеко не единственным участником силового давления на бизнес.

Вторым направлением борьбы с силовым давлением на бизнес стала либерализация законодательства в годы президентства Д. Медведева (2008–2012 гг.). В этот период был принят ряд поправок в уголовное законодательство, направленных на сокращение возможности давления на бизнес через уголовное преследование. В частности, ограничивалась возможность при возбуждении дел по экономическим преступлениям помещения предпринимателей под стражу, увеличился размер ущерба, который признавался крупным по экономическим статьям, а также добавлена возможность освобождения от наказания в случае пятикратного возмещения причиненного ущерба. Ряд статей (например, контрабанда) был декриминализован. Статистический анализ судебной практики показал, что эти реформы в целом имели позитивный эффект, но не столько в отношении конкретно предпринимателей, сколько по отношению ко всем гражданам в целом [Четверикова 2016]. Но и этот эффект был разовым, а не системным, так как судьи не стали чаще освобождать предпринимателей от уголовной ответственности. Обвинительный уклон в российском правосудии по-прежнему остается одной из системных проблем. Правоохранительная система в целом просто адаптировалась к новому законодательству. Так, не имея возможности поместить предпринимателя под арест, правоохранители просто объявляли его частным лицом, совершившим мошенничество не в сфере бизнеса. Предприниматели все равно оказывались в тюрьме, только по другим статьям и составам Уголовного кодекса.

Третьим направлением борьбы с силовым давлением на бизнес стала прямая поддержка властью усиливающейся активности предпринимательского сообщества. В 2011 г. при Деловой России был создан Центр общественных процедур “Бизнес против коррупции” (ЦОП “БПК”). Эту идею лично одобрил тогдашний премьер-министр Путин [Yakovlev, Sobolev, Kazun 2014]. ЦОП “БПК” начал собирать обращения от предпринимателей со всей России с жалобами на рейдерство и коррупцию. Все обращения проходили тщательную экспертизу, в которой, в том числе, участвовали на условиях *pro bono* ведущие профессионалы из юридического сообщества [Казун 2015^b]. Предприниматели, чьи обращения успешно проходили все стадии обсуждения, могли рассчитывать на то, что ЦОП “БПК”, используя свои связи, привлечет к их делу внимание федеральных органов власти, которые возьмут его под свой контроль.

В 2012 г. была учреждена должность уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, которую занял сопредседатель Деловой России Б. Титов. Это решение интересно тем, что нигде в мире нет должности омбудсмана по правам предпринимателей. Само существование этого института можно рассматривать как признание властью наличия у бизнеса серьезных специфических проблем, которые не так просто решить.

Спустя восемь лет успехи ЦОП “БПК” и уполномоченного по правам предпринимателей можно назвать скромными. ЦОП “БПК” принял более тысячи обращений от предпринимателей по всей России, но лишь по нескольким десяткам дел удалось добиться существенных результатов. При этом большая часть этих историй имеют ограниченный эффект, заключающийся, например, в сокращении срока тюремного заключения для предпринимателя.

Однако ЦОП “БПК” и не имел своей целью помощь всем предпринимателям России, поскольку для этого понадобилось бы заменить собой суд. У данной инициативы были другие неявные цели, которые на первом этапе могли иметь определенный эффект и которые важны для дальнейшего разговора о силовом давлении на бизнес. Во-первых, создание ЦОП “БПК” в сочетании с другими инициативами могло послужить сигналом региональной элите и силовым органам о том, что неформальный контракт с ними будет пересмотрен. Во-вторых, сбор ЦОП “БПК” информации о силовом давлении на бизнес в сочетании с публичным рассмотрением этих дел (нередко освещаемом в СМИ) позволил высветить часть проблемных зон и оценить масштаб “видимой части” силового давления на бизнес.

Видимая сторона силового давления на бизнес

Масштабы силового давления на бизнес в России очень непросто оценить. Не существует никакой официальной статистики о рейдерских захватах ввиду того, что в реальности непросто отделить силовое давление на бизнес от ситуаций, когда предприниматель на самом деле нарушил закон (к тому же в российских реалиях нередко первое сочетается со вторым). Оценка масштабов силового давления не проста не только для исследователей, но и для самих представителей власти. Так, в 2015 г. Путин в послании Федеральному собранию сказал, что против предпринимателей было возбуждено 200 тыс. уголовных дел по экономическим статьям и лишь 15% из них закончились приговором¹. Однако, по оценкам К. Титаева из Института проблем правоприменения, эта статистика в целом не отражает действительность [Титаев 2017]. Более половины дел из этой статистики заведомо не относятся к предпринимателям: из 200 тыс. дел примерно 65 тыс. связаны с обнаружением фальшивых денег, а еще примерно 75 тыс. относятся к хищениям с мелким ущербом, которые совершают работники предприятий. Проблема состоит в том, что собираемая МВД статистика по своей структуре такова, что вообще не позволяет выделить случаи, когда могло иметь место силовое давление на бизнес, а когда – реальное мошенничество.

Согласно данным Судебного департамента, ежегодно по составам, которые могут использоваться для силового давления на бизнес, суды рассматривают около 4 тыс. дел против предпринимателей. И понятно, что среди этих дел лишь некоторая неизвестная нам часть связана с преследованием предпринимателей. Можно также посмотреть на статистику о поступивших обращениях в ЦОП “БПК”: с 2011 по 2016 г. поступило 1057 обращений. И здесь, к сожалению, мы не можем в полной мере быть уверенными в достоверности информации, ведь иногда предприниматели могут выдавать за рейдерство хозяйственные споры с конкурентами.

Для того чтобы охарактеризовать рейдерство в России, наиболее применима будет метафора айсберга. У айсберга есть небольшая видимая часть и большая, скрытая под водой. Видимая часть рейдерства – случаи, доходящие до суда, и дела, обращения о которых были проанализированы и приняты в ЦОП “БПК”. Невидимая часть – масса ситуаций, куда входят и угрозы предпринимателю с требованием продать бизнес, и возбуждения уголовных дел, и иные способы давления. Все они нередко не придаются огласке, пока идет расследование.

Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют анализировать только видимую часть силового давления на бизнес. Но и у федеральных властей тоже имеется лишь очень смутное представление о невидимой части силового давления (что, в частности,

---

¹ Источником этой информации, по всей видимости, послужил доклад уполномоченного по правам предпринимателей Титова.

показывает доклад Путина Федеральному собранию в 2015 г.). Иными словами, федеральная элита также скорее всего принимает решение на основании информации о видимой части силового давления. Это позволяет надеяться, что количественный анализ доступной о рейдерстве информации позволит установить реальную логику власти в отношении контроля за силовым давлением на бизнес в регионах.

Доступные данные и гипотезы

Для того чтобы проанализировать политику власти в отношении рейдерства после 2010 г. важно проанализировать публичную (видимую) часть силового давления на бизнес. Верхняя граница видимой части рейдерства не должна превышать число судебных дел против предпринимателей по составам, которые можно использовать для давления на бизнес (то есть скорее по экономическим делам, чем по таким преступлениям, как, например, убийство, которые не могут появиться из ничего). Поскольку для анализа необходима лишь та часть дел, в которых имело место силовое давление на бизнес, используем в качестве фильтра базу данных ЦОП “БПК” (1057 кейсов с 2011 по 2016 г.). Единицей анализа станет обращение предпринимателя в ЦОП “БПК”, дошедшее до суда² (555 кейсов, остальные случаи в суде не рассматривались). Эта выборка позволяет, с одной стороны, анализировать дела, которые стали публичными, а с другой – убедиться, что из числа обращений в ЦОП “БПК” отсеяны хозяйственные споры и прочие спекулятивные жалобы. Итоговое число наблюдений составляет 1282 (в среднем одно дело длится 2 года 4 месяца).

В отличие от подхода, использовавшегося в предыдущих количественных исследованиях [Rochlitz 2014; Kazun 2015], для целей данного анализа будем считать давление на предпринимателя не одной точкой во времени, а процессом, который может продолжаться несколько лет. Таким образом, один случай давления на бизнес может учитываться в анализе данных нескольких годов. С содержательной точки зрения это имеет смысл, поскольку для региона такая публичная история создает долгосрочный эффект, который может сойти на нет только после того, как судебное дело было завершено. Иными словами, анализируется не рейдерство само по себе, а публичная информация о продолжающихся в регионе серьезных случаях силового давления на бизнес.

Дополнительной методологической задачей является вопрос о нормировке числа рейдерских атак. Регионы России сильно отличаются по социально-экономическим характеристикам. Не удивительно, что в Москве происходит больше всего публичных случаев силового давления на бизнес. Однако, если учесть размер ВРП или число фирм в регионе, то окажется, что в лидеры по числу таких дел войдут другие регионы. Нормировке можно подвергнуть зависимую переменную [Kazun 2015] или же добавить соответствующие контрольные переменные в регрессионную модель [Rochlitz 2014]. В данном исследовании при построении регрессионных моделей остановимся на втором варианте, чтобы обеспечить сопоставимость с моделями, построенными М. Рохлицем [Rochlitz 2014], анализировавшим политику в отношении рейдерства в предыдущем периоде (с 2000 по 2010 г.).

Как было отмечено выше, основные попытки государства побороть силовое давление на бизнес “из центра” не привели к значимому успеху. Если проблему нельзя решить, можно попробовать сократить ее последствия. Благодаря исследованию Рохлица мы знаем, что раньше силовое давление на бизнес составляло часть неформального контракта с региональной властью до 2010 г. Соответственно, после изменения условий этого контракта

---

² Информация о ходе движения дела собиралась вручную через сопоставление базы ЦОП “БПК” и судебной статистики ГАС РФ “Правосудие” (<https://sudrf.ru/>).

федеральная элита может ожидать, что губернатор займется решением рассматриваемой проблемы. Силовое давление на бизнес из возможной платы за лояльность превратится в обязанность. Если этот механизм работает, можно ожидать, что вновь назначенные губернаторы постараются, хотя бы в первое время, контролировать силовое давление на бизнес. Поэтому предлагаются следующие гипотезы.

Гипотеза 1. *Смена губернатора приводит к кратковременному снижению силового давления на бизнес в регионе.*

Одновременно с этим понятно, что проблему едва ли можно решить простой сменой губернатора. Приход нового главы региона может вызвать некоторый период затишья и уточнения правил игры, но едва ли будет иметь системный эффект. Из упомянутого выше исследования Рохлица мы знаем, что, напротив, более опытные губернаторы, как правило, лучше контролируют силовое давление на бизнес. Более того, если губернатор хорошо справляется со своими обязанностями (в том числе с управлением насилием), то и вероятность сохранения им поста повышается.

Гипотеза 2. *Уровень рейдерства в регионах, где давно не менялись губернаторы, ниже, чем в тех регионах, где они менялись.*

Эффект, который мы ожидаем увидеть, объясняется двумя причинами. С одной стороны, долго находящиеся на своем посту губернаторы, вероятно, смогли наладить диалог с региональными элитами, а потому лучше способны контролировать насилие по отношению к бизнесу. С другой стороны, анализ условий, при которых “отбор” эффективных глав регионов уже произошел, приводит к выводу, что на своем посту остались скорее те губернаторы, которые смогли взять эту проблему под контроль.

Важно понимать, что влияет на возможность поиска диалога в регионе. Можно предположить, что важный фактор – наличие или отсутствие политической конкуренции. Если политической конкуренции нет, то у региональных элит нет стимулов договариваться о пересмотре неформального контракта. Отсюда **Гипотеза 3.** *Отсутствие политической конкуренции на выборах в регионе увеличивает рейдерство.*

Отсутствие конкуренции означает, что власть в регионе уже консолидирована. В таком случае региональная элита либо уже решила проблемы, касающиеся силового давления на бизнес, подавив все его видимые проявления, либо уже и не будет ее решать. В таком случае возможностей повлиять на ситуацию меньше, чем в случае с многополярной, региональной властью. В качестве индикатора политической конкуренции я использую переменную, характеризующую результаты Единой России на региональных выборах.

Сравнение регионов по уровню рейдерства

Прежде чем строить сложные модели, попробуем проверить наши предположения через сравнение уровня рейдерства (нормированного на число фирм) в различных регионах России.

На рисунке 1 можно видеть первое подтверждение гипотез 1–2. Во-первых, действительно регионы, где губернатор не менялся, в среднем имеют более низкий уровень рейдерства, чем в тех регионах, где в рассматриваемый период происходили смены руководителей. Во-вторых, в регионах, где происходили замены губернатора, уровень рейдерства снижался.

Соотношение силового давления на бизнес в регионе и уровня политической конкуренции имеет нелинейную связь (см. рис. 2). Действительно, самый низкий уровень рейдерства наблюдается в группе регионов с самой высокой политической конкуренцией. Однако группа регионов без какой-либо конкуренции также демонстрирует неплохие результаты.

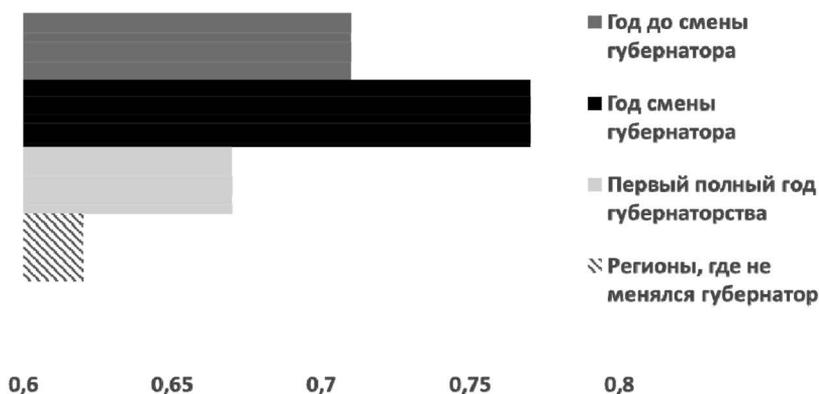

Рис. 1. Уровень рейдерства в регионах (нормированный на 100 000 фирм), где происходит смена губернатора (3 периода – год до смены, год ротации и первый год работы нового губернатора).

Рис. 2. Уровень рейдерства (нормированный на 100 тыс. фирм) в регионах с различными результатами Единой России на региональных выборах.

Таким образом, вероятно, имеют место два разнонаправленных тренда. С одной стороны, как было отмечено выше, при наличии политической конкуренции есть стимулы к поиску компромиссов, с другой – в регионах с полным авторитарным контролем проблему можно решить политической волей без диалога. Какой из этих трендов сильнее, можно сказать только после учета ряда других социально-экономических характеристик регионов.

Построение модели и результаты анализа

Построим модель на панельных данных с фиксированными эффектами для времени и региона. Зависимая переменная – число продолжающихся рейдерских атак. Число единиц наблюдения будет равняться 498 (83 региона * 6 лет³).

³ В анализ не включены Крым и Севастополь, поскольку по ним отсутствуют данные за существенную часть анализируемого периода.

Ключевые объясняющие переменные⁴ – результаты Единой России на последних региональных выборах и дамми переменная – первый полный год работы губернатора после назначения. Дополнительно включим в модель срок службы губернатора, который, с учетом наличия дамми переменной о первом годе, будем начинать со второго года.

Далее учтем в модели ряд контрольных переменных. Характеристики социально-экономического положения регионов: логарифм ВРП и числа фирм на душу населения. Дополнительно добавлены переменные, характеризующие состояние правоохранительной системы региона: число убийств, число экономических преступлений и общее число преступлений на душу населения. Кроме того, используем индекс свободы прессы, предложенный Комитетом гражданских инициатив. Для контроля этнического состава региона в модель включена доля русских, проживающих в регионе. Для учета различий в уровне человеческого капитала используем число студентов высших учебных заведений на душу населения.

Результаты проведенного регрессионного анализа представлены в таблице. Построенная модель объясняет почти половину дисперсии зависимой переменной.

Таблица

Регрессионная модель с зависимой переменной – число продолжающихся рейдерских атак в регионе⁵

	В	Стандартная ошибка	Уровень значимости
Константа	-51,057***	5,713	0,000
Результат ЕР на федеральных выборах 2011 г.	-0,024	0,026	0,364
Результат ЕР на последних региональных выборах	0,079***	0,020	0,000
Первый полный год губернаторства	-1,405*	0,618	0,023
Стаж губернатора на посту (после первого года)	-0,144**	0,050	0,005
Контрольные переменные			
Log ВРП на душу населения	1,821***	0,362	0,000
Log числа коммерческих компаний	2,516***	0,242	0,000
Динамика ВРП за 3 года	-0,661	1,415	0,640
Свобода прессы (индекс КГИ)	-3,120**	1,126	0,006
Убийств на 1 тыс. человек	8,712	5,685	0,126
Всего преступлений на 1 тыс. человек	0,119	0,062	0,055
Экономических преступлений на 1 тыс. человек	2,279***	0,621	0,000
Студенты вузов (на 10 тыс. населения)	0,008***	0,002	0,000
Этнический состав	-0,028*	0,013	0,040
Фиксированные переменные (регион – год)	ДА		
R квадрат	0,47		
N	498		

Из модели видно, что результаты федеральных выборов не имеют значимого влияния на рейдерство, как то было в 2000–2010 гг. Однако конкуренция на региональных выборах имеет весьма сильное влияние: чем выше результат Единой России в регионе, тем выше там уровень рейдерства. Соответственно, более сильным оказался тренд, связанный

⁴ Источник информации об основных объясняющих и контрольных переменных – Росстат и база данных о политических и социально-экономических показателях регионов России, собранная Международным центром изучения институтов и развития НИУ ВШЭ (<https://iims.hse.ru/csid/databases>).

⁵ Мультиколлинеарность отсутствует: для всех переменных в модели значение VIF не превышает 5. Есть слабая автокорреляция, находящаяся в пределах допустимого: коэффициент Дарбина-Уотсона равен 1,72.

с негативным влиянием авторитарной власти на безопасность ведения бизнеса, который наблюдался в левой части рисунка 2.

Стаж губернатора имеет нелинейную связь с рейдерством. Первый год работы действительно приносит краткосрочное снижение силового давления на бизнес (можно назвать это своеобразным эффектом “медового месяца”). Однако затем тренд меняется: более опытные губернаторы успешнее справляются с контролем за силовым давлением на бизнес.

Интересно, что рейдерство имеет положительную связь с уровнем экономической преступности (см. табл.). Как объяснялось ранее [Kazun 2015], это может быть связано с тем, что для давления на бизнес часто используется такой инструмент, как возбуждение уголовного дела против предпринимателя.

Чем выше в регионе свобода прессы, тем ниже уровень рейдерства. Этот результат можно связать с наличием или отсутствием политической конкуренции (выраженном в результатах Единой России), которая аналогично влияет на рассматриваемый процесс. Авторитарные власти, контролирующие прессу, в целом хуже справляются с контролем за рейдерством.

Таким образом, можно сказать, что построенная модель подтверждает выдвинутые ранее гипотезы 1–3.

* * *

Разумеется, управление насилием – не единственное, что требуется от вновь назначенных губернаторов. Перед любым главой региона стоит большое число самых разных задач, из которых защита бизнеса, вероятно, даже не приоритетна. Тем не менее полученные результаты дают основание предполагать, что контроль за силовым давлением на бизнес стал частью обязанностей для губернаторов.

Важно и то, что далеко не все рычаги находятся в руках главы региона. Региональные правоохранительные органы, от взаимодействия с которыми во многом зависит решение проблемы рейдерства, подчиняются не губернатору, а своим федеральным начальникам. Однако губернатор должен выстроить с ними диалог. Его наличие или отсутствие будет определять возможности контроля за ситуацией. Как показал анализ, достижение консенсуса между региональными элитами зависит в том числе от политической конкуренции.

Используемые в статье данные ограничиваются 2016 г. из-за того, что ЦОП “БПК” с 2017 г. закрыл базу данных о новых обращениях. Тем не менее можно предсказать основные последствия массовой замены глав регионов, которая происходила в России начиная с 2017 г. Эти замены могли приводить к краткосрочному сокращению уровня рейдерства в регионах России. Однако даже если такое сокращение происходило, оно скорее всего будет носить краткосрочный и несистемный характер. Волна смен глав регионов, продолжавшаяся в 2018–2019 гг., в долгосрочной перспективе способно усугубить проблему, сделав управление насилием столь же малоэффективным, как и борьбу с ним.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Волков В. (2005) Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ. М.: Издат. дом ГУ-ВШЭ.

Казун А. (2015^а) Рейдерство в регионах России: индикаторы и факторы // Мир России. Т. 24. № 3. С. 33–66.

Казун А. (2015^б) Социальная ответственность российских адвокатов: факторы оказания бесплатной юридической помощи по назначению и pro bono // Журнал исследований социальной политики. Т. 13. № 4. С. 563–578.

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011) Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара.

Панеях Э. (2008) Правила игры для русского предпринимателя. М.: Либеральная Миссия, КоЛибри.

Панеях Э., Титаев К., Волков В., Примаков Д. (2010) Обвинительный уклон в уголовном процессе: фактор прокурора. Аналитические записки по проблемам правоприменения. СПб: ИПП ЕУ СПб.

Титаев К. (2012) Хитроумные полицейские. Почему провалились все проекты улучшения правоохранительной деятельности в России // Социология власти. № 4–5. С. 96–110.

Титаев К. (при участии Четвериковой И., Шепеловой О. и Шклярук М.) (2017) Проблема правоохранительного давления на бизнес: ложные послышки и бесперспективные предложения. Доклад Центра стратегических разработок (<https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/06/Report-10.04.17.pdf>).

Четверикова И. (2016) Уроки либерализации: отправление правосудия по уголовным делам в экономической сфере в 2009–2013 гг. СПб.: ИПП ЕУ СПб.

Baumol W. (1990) Entrepreneurship: Productive, Unproductive, and Destructive // *Journal of Political Economy*. Vol. 98. No. 5. Pp. 893–921.

Crotty J. (2016) Corporate Social Responsibility in the Russian Federation: A Contextualized Approach // *Business and Society*. Vol. 55. No. 6. Pp. 825–853. DOI: 10.1177/0007650314561965.

Duvanova D. (2013) Building Business in Post-Communist Russia, Eastern Europe, and Eurasia: Collective Goods, Selective Incentives, and Predatory States. Cambridge: Cambridge Univ. Press.

Firestone T. (2008) Criminal Corporate Raiding in Russia // *The International Lawyer*. Vol. 42. No. 4. Pp. 1207–1229.

Gelman V., Ryzhenkov S. (2011) Local Regimes, Sub-National Governance and the ‘Power Vertical’ in Contemporary Russia // *Europe-Asia Studies*. Vol. 63. No. 3. Pp. 449–465.

Hellman J., Jones G., Kaufmann D. 2003. Seize the State, Seize the Day: State Capture and Influence in Transition Economies // *Journal of Comparative Economics*. Vol. 31. No. 4. Pp. 751–773.

Kazun A. (2015) Violent Corporate Raiding in Russia: Preconditions and Protective Factors // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. Vol. 23. No. 4. Pp. 459–484.

Markus S. (2012) Secure Property as a Bottom-Up Process: Firms, Stakeholders, and Predators in Weak States // *World Politics*. Vol. 64. No. 2. Pp. 242–277.

Marques I., Nazrullaeva E., Yakovlev A. (2016) Substituting Distribution for Growth: The Political Logic of Intergovernmental Transfers in the Russian Federation // *Economics & Politics*. Vol. 28. No. 1. Pp. 23–54.

Olson M. (1993) Dictatorship, Democracy, and Development // *American Political Science Review*. Vol. 87. No. 3. Pp. 567–576.

Reuter O., Robertson G. (2012) Subnational Appointments in Authoritarian Regimes: Evidence from Russian Gubernatorial Appointments // *Journal of Politics*. Vol. 74. No. 4. Pp. 1023–1037.

Rochlitz M. (2014) Corporate Raiding and the Role of the State in Russia // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 30. No. 2–3. Pp. 89–114.

Sharafutdinova G., Turovsky R. (2017) The Politics of Federal Transfers in Putin’s Russia: Regional Competition, Lobbying, and Federal Priorities // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 33. No. 2. Pp. 161–175.

Shleifer A., Vishny R. (1993). Corruption // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 108. No. 3. Pp. 599–617.

Yakovlev A. (2006) The Evolution of Business – State Interaction in Russia: From State Capture to Business Capture? // *Europe-Asia Studies*. Vol. 58. No. 7. Pp. 1033–1056.

Yakovlev A., Sobolev A., Kazun A. (2014) Means of production versus means of coercion: can Russian business limit the violence of a predatory state? // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 30. No. 2–3. Pp. 171–194.

Yakovlev E., Zhuravskaya E. (2009) State Capture From Yeltsin to Putin. In *Corruption, Development, and Institutional Design* Eds. J. Kornai, L. Matyas, and G. Roland. New York: Palgrave Macmillan. Pp. 24–36.

REFERENCES

Baumol W. (1990) Entrepreneurship: Productive, Unproductive, and Destructive. *Journal of Political Economy*, vol. 98, no. 5, pp. 893–921.

Четверикова И. (2016) *Уроки либерализации: отправление правосудия по уголовным делам в экономической сфере* [Lessons of liberalization: the administration of justice in criminal cases in the economic sphere in 2009–2013] St.-Petersburg: IPP EU SPb.

Crotty J. (2016) Corporate Social Responsibility in the Russian Federation: A Contextualized Approach. *Business and Society*, vol. 55, no. 6, pp. 825–853.

- Duvanova D. (2013) *Building Business in Post-Communist Russia, Eastern Europe, and Eurasia: Collective Goods, Selective Incentives, and Predatory States*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Firestone T. (2008) Criminal Corporate Raiding in Russia. *The International Lawyer*, vol. 42, no. 4, pp. 1207–1229.
- Gelman V., Ryzhenkov S. (2011) Local Regimes, Sub-National Governance and the ‘Power Vertical’ in Contemporary Russia. *Europe-Asia Studies*, vol. 63, no. 3, pp. 449–465.
- Hellman J., Jones G., Kaufmann D. (2003) Seize the State, Seize the Day: State Capture and Influence in Transition Economies. *Journal of Comparative Economics*, vol. 31, no. 4, pp. 751–773.
- Kazun A. (2015^a) Reyderstvo v regionakh Rossii: indikatory i factory [Raiding in the Russian Regions: Indicators and Factors]. *Mir Rossii*, vol. 24, no. 3, pp. 33–66.
- Kazun A. (2015^b) Sotsial'naya otvetstvennost' rossiyskikh advokatov: factory okazaniya besplatnoy yuridicheskoy pomoshchi po naznacheniyu i pro bono [Social responsibility among Russian attorneys: factors behind the provision of free legal assistance both by court appointment and pro bono]. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki*, vol. 13, no. 4, pp. 563–578.
- Kazun A. (2015) Violent Corporate Raiding in Russia: Preconditions and Protective Factors. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 23, no. 4, pp. 459–484.
- Markus S. (2012) Secure Property as a Bottom-Up Process: Firms, Stakeholders, and Predators in Weak States. *World Politics*, vol. 64, no. 2, pp. 242–277.
- Marques L., Nazrullaeva E., Yakovlev A. (2016) Substituting Distribution for Growth: The Political Logic of Intergovernmental Transfers in the Russian Federation. *Economics & Politics*, vol. 28, no. 1, pp. 23–54.
- North D., Wallis J., Weingast B. (2011) *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoy istorii chelovechestva*. (2009) [Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. Moscow: Izdatel'stvo instituta Gaydara.
- Olson M. (1993) Dictatorship, Democracy, and Development. *American Political Science Review*, vol. 87, no. 3, pp. 567–576.
- Paneyakh E. (2008) *Pravila igry dlya russkogo predprinimatelya* [The rules of the game for a Russian businessman]. Moscow: Liberal'naya Missiya; KoLibri.
- Paneyakh E., Titaev K., Volkov V., Primakov D. (2010) *Obvinitel'nyy ukлон v ugovnom protsesse: faktor prokurora*. [Indictment bias in criminal proceedings: the factor of the prosecutor. Policy briefs on law enforcement issues]. Analiticheskie zapiski po problemam pravoprimeneniya. St.-Petersburg: IPP EU SPb.
- Reuter O., Robertson G. (2012) Subnational Appointments in Authoritarian Regimes: Evidence from Russian Gubernatorial Appointments. *Journal of Politics*, vol. 74, no. 4, pp. 1023–1037.
- Rochlitz M. (2014) Corporate Raiding and the Role of the State in Russia. *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, no. 2–3, pp. 89–114.
- Sharafutdinova G., Turovsky R. (2017) The Politics of Federal Transfers in Putin's Russia: Regional Competition, Lobbying, and Federal Priorities. *Post-Soviet Affairs*, vol. 33, no. 2, pp. 161–175.
- Shleifer A., Vishny R. (1993). Corruption. *The Quarterly Journal of Economics*, vol. 108, no. 3, pp. 599–617.
- Titaev K. (2012) Khitroumnye politseyskie. Pochemu provalilis' vse proekty uluchsheniya pravookhranitel'noy deyatelnosti v Rossii [Cunning policemen. Why all projects to improve law enforcement in Russia failed]. *Sotsiologiya vlasti*, no. 4–5, pp. 96–110.
- Titaev K. (with participation of I. Chetverikova, O. Shepelova and M. Shklyaruk). (2017) *Problema pravookhranitel'nogo davleniya na biznes: lozhnye posylki i besperspektivnye predlozheniya* [The problem of law enforcement pressure on business: false assumptions and unpromising proposals]. Report of the Center for Strategic Research (<https://csr.ru/wp-content/uploads/2017/06/Report-10.04.17.pdf>).
- Volkov V. (2005) *Silovoe predprinimatel'stvo: ekonomiko-sotsiologicheskii analiz* [Violent entrepreneurship: economic and Sociological Analysis]. Moscow: Izdat. Dom NSE.
- Yakovlev A. (2006) The Evolution of Business – State Interaction in Russia: From State Capture to Business Capture? *Europe-Asia Studies*, vol. 58, no. 7, pp. 1033–1056.
- Yakovlev A., Sobolev A., Kazun A. (2014) Means of production versus means of coercion: can Russian business limit the violence of a predatory state? *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, no. 2–3, pp. 171–194.
- Yakovlev E., Zhuravskaya E. (2009) State Capture From Yeltsin to Putin. *Corruption, Development, and Institutional Design*, eds. J. Kornai, L. Matyas, and G. Roland. New York: Palgrave Macmillan, pp. 24–36.